

На текуція темы.

Къ итогамъ и перспективамъ.—Обычная и сверхсмѣтная порціи.—О несправимомъ оптимизмѣ и объ одномъ доносѣ.—Въ раздумьи.—Хватить!

Еще одинъ годъ канулъ въ вѣчность. Въ быстрой смѣнѣ событій и впечатлѣній, привлекающихъ вниманіе чело-вѣчества, это былъ годъ не совсѣмъ обычнаго калибра. И во всемірной исторіи, и въ частной жизни отдѣльныхъ народовъ онъ, навѣрное, займетъ извѣстное мѣсто, если и не самостоятельное, то по крайней мѣрѣ какъ предтеча и провозвѣстникъ чего-то новаго въ національномъ вопросѣ, что постепенно вырисовывается изъ туманной дали. Пробужденіе „недвижнаго Китая“, кровопролитное столкнове-ніе на Балканахъ, которому предшествовало соглашеніе славянскихъ и греческаго государствъ, поманившее призра-комъ давно жданной федераціи; всеобщее напряженіе въ Европѣ, до сихъ поръ не разрѣшившееся,—таковы обще-извѣстные факты изъ интересующей насъ области націо-нальныхъ отношеній, которые даютъ истекшему году право на извѣстное вниманіе къ себѣ исторіи. Изъ болѣе близкихъ къ намъ явленій отмѣтимъ общее оживленіе украинской жизни, можетъ быть, мало замѣтное въ непрерывной цѣпи самихъ событій, но несомнѣнное въ нѣкоторой перспективѣ. Да, оживленіе...

Что бы ни говорили враги украинскаго возрожденія, оживленіе въ украинской жизни, несомнѣнно наблюдается, выражаясь массой, можетъ быть, мелкихъ, но характер-ныхъ черточекъ у насъ, на Украинѣ, російской, и болѣе широкимъ размахомъ событій на Украинѣ зарубежной. Темпъ жизни на нашихъ очахъ ускоряется, приобрѣтая ту быстроту, которая начинаетъ захватывать и втягивать въ себя слои, еще недавно стоявшіе неподвижно. Есть еще нѣкоторая, быть можетъ, неувѣренность, есть несогласован-ность въ движеніи обѣихъ частей Украины, сказывающаяся хотя бы на хроникѣ нашего журнала обиліемъ мелочей изъ жизни нашей Украины и постановкой кардинальныхъ во-просовъ національнаго бытія въ жизни закордонной. Это,

конечно, такъ, но относительно самого движенія впередъ сомнѣній быть не можетъ. Украинская жизнь, еще недавно игнорировавшаяся или даже подвергавшаяся сомнѣніямъ, теперь течетъ если и не полной рѣкой, то, по крайней мѣрѣ, массой веселыхъ журчащихъ ручейковъ, стремящихся въ своемъ объединеніи образовать могучее русло настоящей полноводной рѣки. И даже обиліе репрессій и невзгодъ въ истекшемъ году не можетъ уничтожить этого бодрящаго впечатлѣнія жизненности. Если хотите, даже напротивъ: оно именно и является доказательствомъ жизненности, ибо ручейкамъ въ ихъ стремленіи къ многоводнымъ бассейнамъ всегда вѣдь приходится наткаться на камни, на груды всяческаго хлама, на препятствія, воздвигнутыя и природой, и рукой чоловіка, обходить ихъ или иначе съ ними справляться.

То же и въ жизни, въ которой также немало и естественныхъ преградъ, и искусственныхъ барьеровъ.

Послѣдніе виднѣе. Винтъ репрессій въ истекшемъ году сдѣлалъ полный поворотъ, еще сильнѣе зажавъ въ своихъ тискахъ украинское движеніе. Еще неистовѣе и разнообразнѣе были нападки и отъ болѣе многочисленныхъ общественныхъ группъ онѣ исходили. Но продолжаетъ играть „младая жизнь“, шутя сбрасывающая преграды и обходящая барьеры... Вотъ почему самая многочисленность послѣднихъ не на однѣ грустныя мысли способна наводить; есть въ нихъ и кое-что утѣшительное. На кладбищѣ, среди мирнаго покоя и сонной тишины, барьеры вѣдь не нужны, и само присутствіе ихъ является уже отрицаніемъ кладбищенства, сна и застоя. А для насъ, въ періодъ роста и накопленія силъ, это отрицаніе въ особенности драгоцѣнно.

Не дай спати ходячому,

Серцемъ замірати

І гнилою колодою

По світу валятись,—

этого гнилостного прозябанія мы пока не знаемъ. Если бы кто въ этомъ сомнѣвался, то вотъ и доказательства налицо: винтъ репрессій повернулся, а жизнь между тѣмъ забила сильнѣе.

Говоря объ украинской жизни, мы всегда должны начинать съ репрессій, составляющихъ неотъемлемую и традиціонную принадлежность украинскаго движенія съ давнихъ временъ. Этого обычнаго, весьма надоѣдливаго спутника не

удалось намъ избѣжать на своемъ пути и въ истекшемъ году; донималъ онъ насъ и шаблонными, изъ года въ годъ повторяющимися, средствами, и даже кое-какія новыя изобрѣлъ. Изъ старыхъ, испытанныхъ способовъ первое мѣсто занимаютъ, конечно, гоненія на украинскій языкъ во всякихъ видахъ, формахъ и проявленіяхъ. Преслѣдованія украинской печати вплоть до запрещеній подписчикамъ получать оплаченныя изданія, запрещеніе украинскихъ объявленій и даже надписей на похоронныхъ лентахъ, стѣсненіе всякихъ публичныхъ оказательствъ, даже неофициальнаго характера, какъ елки, вечера и т. п.,—все это уже давнымъ-давно испытано, пережито, и всякія новыя сообщенія на такія или подобныя темы уже почти не вызываютъ реакціи, какъ слишкомъ ужъ обычное, „бытовое“, явленіе. Съ этой стороны все, повидимому, обстояло въ полномъ порядкѣ... Изъ обычнаго порядка не выходило и то, что министерство внутреннихъ дѣлъ, по сообщенію газетъ, вдругъ опять проявило повышенный интересъ къ обществамъ, употребляющимъ украинскій языкъ въ домашнемъ дѣлопроизводствѣ. Результаты этого интереса также не замедлили сказаться: ревизія заподозрѣнныхъ обществъ полиціей и... конечно, закрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Наиболѣе пока значительной жертвой указаннаго интереса слѣдуетъ считать кіевскій украинскій клубъ, пострадавшій за слабую попытку основать собственную бібліотеку. Попытка, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, не вышла изъ круга приготовленій, тѣмъ не менѣе кучка разрозненныхъ книгъ при ревизіи получила громкое названіе бібліотеки, а затѣмъ уже, установивъ это ужасное обстоятельство, губернское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе, поторопилось закрыть клубъ, не вникнувъ даже въ сущность обвиненія. Кромѣ того надъ совѣтомъ старшинъ тяготѣетъ еще и судебное преслѣдованіе, возбужденное за разрѣшенную иностранной цензурой газету. Чѣмъ это парадоксальное дѣло окончится пока неизвѣстно,—во всякомъ случаѣ оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ нашей капризной дѣйствительности, выработавшей, какъ извѣстно, яркое правило: „отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся“...

Но въ эту обычную порцію репрессій, отпускаемыхъ украинству ежегодно съ завидной правильностью, привходятъ съ недавняго времени и нѣкоторыя новыя—въ родѣ, такъ сказать, сверхсмиѣтной надбавки. Осенью, главнымъ об-

разомъ въ Кіевѣ, пронеслась цѣлая полоса самыхъ настоящихъ погромовъ, которымъ подверглись украинскія учрежденія. Разгромлены книжные магазины, редакціи, помѣщеніе одного изъ клубовъ, давшего пріютъ людямъ, желавшимъ почтить память Н. В. Лисенка. Неуловимая кучка погромщиковъ долгое время оперировала совершенно безнаказанно, пока, наконецъ, не была обнаружена при содѣйствіи потерявшей терпѣніе публики. Извлеченные изъ сорныхъ ящиковъ „герои“, конечно, не испугались и въ присутствіи полиціи продолжали хвастать своими подвигами. Одинъ изъ нихъ, Шевченко (правда, интересное совпаденіе?), въ свой активъ поставилъ между прочимъ то, что ему принадлежитъ заслуга по облитію чернилами „морды батьку Тарасу“... Расчетъ „героевъ чернильнаго пятна“ на безнаказанность былъ вполне вѣрный, и, подвергнутые заключенію въ административномъ порядкѣ, они черезъ нѣсколько дней были, разумѣется, „амнистированы“. Къ сожалѣнію, хулиганскіе подвиги не ограничиваются предѣлами общественнаго „дна“ и не только между его беззащитными обитателями находили своихъ исполнителей. Варшавское, напримѣръ, студенчество, столь доблестно ополчившееся не только противъ портрета украинскаго поэта, но и противъ украинскаго борца (ему милостиво разрѣшено именоваться впредь „малороссійскимъ, но не мазепинскимъ“!), показали, что оно не далеко ушло отъ кіевскаго Шевченка. Характерно, что въ послѣднемъ случаѣ хулиганскіе поступки являются уже подъ флагомъ своеобразнаго „прогрессизма“, борьбы съ „малороссійскимъ засильемъ“, но это не мѣняетъ сущности побѣды, одержанной варшавскими „прогрессистами“ по образу и подобию кіевскихъ подонковъ.

Подобная же эволюція, движеніе снизу къ верхамъ, происходитъ и въ прессѣ. Раньше только реакціоннымъ органамъ принадлежало печальное преимущество давать на своихъ столбцахъ пріютъ украинофобскимъ заявленіямъ, травлѣ и клеветничеству. Въ прошломъ году этотъ грязный потокъ опять-таки поднялся выше. Извѣстныя выступленія „Утра Россіи“ обладаютъ уже всѣми признаками патентованнаго украинофдства, культивировавшагося до сихъ поръ только въ непристойныхъ мѣстахъ печати. Отъ весьма двусмысленной позиціи въ украинскомъ вопросѣ не удержались даже такія безусловно порядочныя изданія, какъ

„Русская Мысль“. По крайней мѣрѣ, извѣстный призывъ г. Струве къ борьбѣ съ украинствомъ „безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ“ встрѣченъ очень сочувственными откликами въ низахъ печатнаго слова и использованъ здѣсь въ цѣляхъ, которыхъ, навѣрное, и не предполагалъ почтенный авторъ такъ ко двору пришедшаго лозунга. Небезызвѣстный, на примѣръ, авторъ уже вполне откровенныхъ донесеній, г. Щеголевъ, въ своей недавно вышедшей книгѣ объявляетъ „прекрасные тезисы“ г-на Струве „въ сущности безсознательной апологіей ограниченій 1876 и 1881 гг.“! Изъ построеній кабинетнаго мыслителя практическіе дѣльцы сдѣлали свои, не совсѣмъ, быть можетъ, невѣрные выводы, отъ которыхъ не такъ-то легко отмахнуться горделивымъ презрѣніемъ къ доносителямъ по ремеслу. Ибо логика вѣдь обязываетъ...

Не разчитывая, конечно, исчерпать неисчерпаемый арсеналъ репрессій, вражды и недомыслія, проявленнаго въ истекшемъ году самыми различными сферами въ отношеніи украинскаго вопроса, отмѣчу здѣсь въ отдѣльности такіе крупные факты, какъ судъ надъ холмскими украинцами въ Государственной Думѣ, судъ надъ украинскимъ языкомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, судъ надъ Шевченкомъ въ сенатѣ, судъ надъ украинской школой въ синодѣ... Разумѣется, всѣ эти „суды“ и, конечно, осужденія безсильны измѣнить что-либо въ дѣйствительной жизни, но тѣмъ не менѣе какіе яркіе образчики отношенія къ украинству со стороны „сильныхъ міра сего“ они даютъ! Всѣ эти „правительствующія“ мѣста, каждое въ своей области, оказались на высотѣ положенія, требуемой „государственными соображеніями“. Ну, а объ остальномъ можно и не заботиться: оно само собой придетъ...

И приходится... Несмотря на обиліе судей, превращающихъ украинскую жизнь въ сплошное судьбище, она все-таки, смѣемъ увѣрить, идетъ впередъ, не опасаясь каждодневныхъ осужденій. По крайней мѣрѣ годовые отчеты въ украинскихъ изданіяхъ вовсе не страдаютъ пессимистической окраской, какой естественно было бы ожидать въ виду столь многочисленныхъ „осужденій“. Совсѣмъ даже наоборотъ. Отмѣчаютъ общее оживленіе въ украинскихъ кругахъ, показателями котораго была и выборная кампанія, и широко проявленное сочувствіе къ борьбѣ галицкихъ земляковъ за свой очагъ просвѣщенія, и единогласныя за-

явленія педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ въ пользу украинской школы, и то невидное на первый взглядъ, но несомнѣнно крѣпнущее и бодрящее настроеніе, которое зависитъ отъ постепеннаго проникновенія самой украинской идеи въ ширь и въ глубь общественныхъ слоевъ. Отмѣчаютъ развитіе и обогащеніе новыми органами украинской прессы. Отмѣчаютъ бодрую работу въ литературѣ. Отмѣчаютъ признаки жизни даже въ полузадушенныхъ обществахъ, какія по какому-то чуду „досуществовали“ до нашего времени. И даже—неисправимые оптимисты!—видятъ кое-что утѣшительное въ самой многочисленности и интенсивности репрессій, въ тѣхъ непрерывныхъ „осужденіяхъ“, благодаря которымъ жизнь превращается въ сплошное судбище... И этотъ немолкнуцій трепеть жизни чувствуется уже и нашими врагами.

Въ самомъ дѣлѣ,—вотъ передъ нами нѣкое „литературное произведеніе“ упомянутаго сейчасъ г. Щеголева, къ которому намъ придется еще, вѣроятно, вернуться. Несмотря на свою совершенно очевидную цѣль, несмотря на бездну сознательной и хорошо автору извѣстной лжи, клеветы и самыхъ безсовѣстныхъ передержекъ, несмотря на плохо симмулированное пренебреженіе къ украинству, этотъ господинъ не можетъ скрыть нѣкоторой тревоги передъ перспективами, ожидающими ненавистное движеніе. Эта тревога ясно чувствуется въ его безграмотномъ и хаотическомъ доносѣ, составившемъ, однако, большой томъ, около 600 страницъ, но далеко не исчерпавшемъ предмета. Старательный, но,—увы!—бездарный доносчикъ. вѣроятно, и самъ смутно догадывается, что трудъ его можетъ произвести—на безпристрастнаго, разумѣется, читателя—впечатлѣніе, совершенно обратное тому, какого онъ съ потерей остатковъ стыда добивается. Доносу о дѣятельности „кучки людей“ за послѣдніе только годы, и то далеко не полной, посвященъ большой томъ; это ли еще не признаніе—невольное, можетъ быть,—значенія этой „кучки“! Но мѣстами, противъ собственной, конечно, воли, авторъ даетъ картину, которая невольно вызываетъ вопросъ: да точно ли о „кучкѣ“ идетъ рѣчь, а не о большомъ, массовомъ движеніи, о стихійномъ процессѣ, поражающемъ своими размѣрами именно при обстановкѣ „судбища“? И какимъ тогда мизернымъ кажется и самъ разбухшій на сотни страницъ доносъ, и его авторъ со своими поползновеніями задержать подобными средствами стихій-

ный процессъ массоваго возрожденія! И, несмотря на все омерзене, возбуждаемое „произведеніемъ“ этого услужливаго и безъ лести преданнаго господина, несмотря на весь вздоръ и даже практическій вредъ (а онъ, несомнѣнно, уже сказывается и будетъ долго еще сказываться: не забудьте, что мы въ атмосферѣ „судьбища“), его книга служить доказательствомъ отъ противнаго—въ пользу оклеветаннаго и оболганнаго. И кое-кто изъ вражескаго стана уже оставливается въ раздумьи...

Вотъ г. Шульгинъ остановился—„тотъ самый“ г. Шульгинъ и въ „томъ самомъ“ „Кіевлянинѣ“. „Что же касается самостоятельной роли такъ-называемаго мазепинскаго движенія,—пишетъ этотъ призадумавшійся соратникъ г. Щеголева, характеризуя „естественные революціонные очаги“,—то, намъ думается, что оно, конечно, можетъ быть источникомъ очень непріятныхъ осложнений. Но грознымъ оно станетъ въ ту минуту, когда мазепинцамъ удастся создать свою мазепинскую культуру“. Удастся ли,—г. Шульгинъ не знаетъ. „Но,—продолжаетъ онъ,—если Провидѣніемъ суждено, чтобы малороссійское нарѣчіе выросло въ дѣйствительно-литературный и культурный языкъ, то вопросъ будетъ рѣшенъ самъ собою... И вопросъ рѣшится не филологическими и историческими спорами, а просто живой культурной энергіей, которую выставятъ обѣ стороны. Конечно, пока всей русской литературѣ противопоставляютъ одного Шевченка, хотя и безусловно даровитаго, но все-же полуграмотнаго алкоголика, обработаннаго Кулишомъ, когда всей русской наукѣ противопоставляется одинъ Грушевскій, всей русской музыкѣ—Лисенко,—мазепинцы имѣютъ мало шансовъ на побѣду. Но кто знаетъ, что сулитъ будущее? Если мазепинскихъ силъ хватить для созданія украинской культуры, то репрессіями этого дѣла не остановить“¹⁾.

Хватить,—будьте покойны!.. Уже хватило, уже репрессіи недѣйствительны, и приходится задумываться обѣ ихъ цѣлесообразности, уже объемистые доносы возбуждаютъ не только страхъ и гадливость, но и бодрящее настроеніе, ибо, говорятъ, „и злакъ на пользу человѣку“, а „на добрый камінь що ни дай, то змеле“. На жерновахъ „живой культур-

¹⁾ «Кіевлянинъ» 1913 г., № 10.

ной енергій“ многое уже „перемололъ“ украинскій народъ за послѣднія 250 лѣтъ своего горемычнаго существованія, и если запасы этой енергій не истощились до сихъ поръ, то это значитъ, что они вообще неистощимы. По крайней мѣрѣ на нашъ съ г. Шульгинымъ вѣкъ ихъ, навѣрное, хватитъ, а тамъ уже послѣдующія поколѣнія сами увидятъ, что и какъ имъ дѣлать...

С. Ефремовъ.